

Дом, который построил Яшин

Известия. - 2000. - 21 августа - 1.6

Разговор о будущем юбилее, театральной судьбе и профессиональном смирении

«Нынешний театральный год — время не самого громкого, но примечательного юбилея: свое 75-летие отметит московский Театр имени Гоголя. Он открыл новый сезон раньше остальных столичных сцен. Его главный режиссер Сергей Яшин рассказал «Известиям» о прошлом и настоящем своего театра.

Алексей ФИЛППОВ

— Весной 1925 года появились первые отклики на спектакли нашего театра. Он возник по инициативе молодых энтузиастов, назывался Театром Транспорта и в первые 20 лет, включая войну, был разнородным. Театр тогда принадлежал Министерству путей сообщения, и у него были свои вагоны — и товарные, для декораций, и обычные, где жили артисты. В них-то он и колесил по городам и весям, выступая на полустанках и в депо. А после войны театр приехал из эвакуации, и ему предоставили наше нынешнее помещение, бывшее депо — железнодорожные пути подходили прямо к сцене, так легче было грузить декорации. В прошлом году под моим бывшим кабинетом, под полом, там, где фундамент, нашли большой склад снарядов времен Первой мировой войны. Что ж, дело вокзальное... В этом и заключается драматизм нашего существования — легко ли существовать на запад Курского вокзала?

— И все же дело не только в месте. Таганка до Любимова тоже

считалась плохим местом, московской провинцией...

— Зрители-то у старой Таганки были. Да и критика в театр захаживала — там появлялись очень любопытные спектакли... Все дело в имидже: в этом году нашему театру исполняется 75 лет, и что же, все это время он с хлеба на квас перебивался? В войну им руководил один из интереснейших советских режиссеров, Николай Васильевич Петров, после войны его возглавлял Илья Яковлевич Сулак, Марк Анатольевич Захаров проработал у нас несколько лет, здесь служили многие большие артисты. (Когда театр был в ведении МПС, а нем были высокие зарплаты плюс пенские льготы.) И спектакли тут случались очень разными. И зритель сюда ходил. А сейчас многим кажется, что в Театре Гоголя не было решительно ничего — и как это он дожил до семидесяти пяти лет? Это связано с репертуаром, который тогда был, — но тогда ведь время было такое. Приходилось ставить очень много слабой драматургии — потому что так было «надо». И все равно театр жил разнообразно и интересно, но об этом почему-то не помнят. При

Борисе Голубовском в Театре Гоголя шли первые пьесы Жуковничко-го, шел сценарий Марселя Карне «Обманщики», проза Юрия Германа, «Декамерон» Боккаччо (20 лет с аншлагами) — а уж о «Береге» Юрия Бондарева и не говорю, это был очень хороший спектакль. Наряду с этим было много и откровенно плохой драматургии, но все, кто служил Театру Гоголя, понимали, что это плата за Марселя Карне и «Декамерон». Но, конечно, побед, подобных тем, что были связаны с именами Эфроса и Любимова, здесь не было...

— Их не было потому, что в театре не появились крупных режиссерских имен...

— Может быть. Но все люди театра служили своему делу искренне и преданно, и забывать об этом не хочется. Было время, когда от Театра Гоголя отошел зритель, было время, когда сюда приходил не тот зритель, который был нужен, — и все равно Театр Гоголя начался не с Яшина.

— Что значит «не тот зритель, который был нужен»?

— Кому интересно смотреть плохую драматургию? Вот и шли сюда люди случайные, билеты часто продавали «в нагрузку». Хотя на «Декамерон» по-прежнему поспать было трудно. В последние годы театр поменялся — не мне судить, в лучшую или худшую сторону. Менялись театральные по-

коления, пришел зритель, которому интересны наши артисты и наш репертуар — мы ведь стремимся не дублировать другие театры... Вот только «Иванов» шел на нескольких сценах — но это была принципиальная работа, у меня, постановщика спектакля, было то же ощущение безысходности и тупика, что и у заглавного героя. Сперва у тебя много надежд и веры, и кажется, что в жизни удастся очень многое, а потом ты думаешь, что все ушло в никуда и ты носишь воду ситом — из угла в угол.

— Насколько ваш зритель постоянен: это те, кто ходит сюда регулярно, или...

— Про многие наши спектакли мало кто знает — важно, чтобы люди на них пришли. А все остальное дело наше: большая часть зрителей в театр возвращается. И приток публики за последние два года усилился. Хотя это дело непростое: и имя у театра непростичное, и расположен он не слишком удачно; это ведь не улица Горького, где человек может купить театальный билет просто так — идет мимо и выдался свободный вечерок. И все же люди к нам пошли — при этом они не привязаны ни к этому району, ни к определенному театальному слою. Наши друзья говорят, что Театру Гоголя удалось нащупать какой-то свой путь.

— В сочетании с Театром Гоголя вы — явление любопытное. Давование у вас легкое, яркое, правдивое, а театр к моменту вашего прихода рассыпался — главного режиссера здесь не было два года. Плюс общественное и театральное безвременье. Плюс отшатнувшийся от театра зритель... Вам, наверное, пришлось нелегко?

— Непонимания с труппой у меня не было: она очень хотела работать.

— Но ведь актеры иногда бывают ужасны: что может быть хуже избалованной труппы, которая «пошла вразнос»?

— Здесь все хотели перемен. Другое дело, совпали ли мои устремления с намерениями артистов: довольно много людей из прежней труппы Театра Гоголя ушло. Люди ощущали, что это уже не их театр, не их дом, — я никого не выгонял, но артисты уходили. А я хотел попробовать осуществить то, во что я верю, — и постепенно собиралась компания, которая живет довольно дружной жизнью. За четырнадцать лет мы избежали раскола, у нас нет склок. Благословил меня на приход в Театр Гоголя Георгий Александрович Товстоногов: я ставил в БДТ и предлагал ему о поступившем мне предложении. Очень хотелось отказаться — «нет-нет, Театр Гоголя от меня далек...» А Те-

оргий Александрович сказал: «Почему бы и нет? Этот театр в очень трудном состоянии, ваши шаги могут быть поняты и труппой, и театральной общественностью». И я тоже подумал — а почему бы и нет? В это время я оставил ЦДТ: проработал там больше десяти лет и оказался инородцем для театра, который собирался строить Алексей Владимирович Бородин, — надо было уходить, и чем раньше, тем лучше. Я работал и на Малой Бронной, и в Театре Маяковского — но там я был своим, у меня были корни и связи, а в Театре Гоголя можно было начать с чистого листа. И в хорошем, и в плохом виноват только я. Что делать, по своей природе я не спринтер, а стайер. Мне не удовлетворен, я домосед — и в своей работе я рассчитываю на долгий путь. Все хотят успеха, и я его хочу — но есть судьба и есть ответственность. Надо работать, надо сохранить театр-дом, идею которого я был увлечен всю жизнь...

— Нужно профессиональное смирение.

— Да. Люди театра сегодня почти нищенствуют (у нас они получают от восьмисот рублей до тысячи), им приходится искать заработки на стороне, разбрасываться, жить в суете. Надо нести свой крест и верить — но театру так случится всегда. Разве что время было стабильней.